
YORONA
ГОРОДСКИЕ СТРАШИЛКИ
СТАРЫЕ СТЕНЫ

Vorona

Старые стены

«Автор»
2026

Vorona

Старые стены / Vorona — «Автор», 2026

Иногда удачная аренда обходится слишком дорого.Срочно переехав в старую московскую пятиэтажку в Даниловском районе, две подруги поначалу рады своему везению. Но за облезлым лаком советских шкафов, рядами чужих фотографий и старинным чемоданом с детскими вещами прячется история, о которой полвека предпочитали не вспоминать.

© Vorona, 2026
© Автор, 2026

Vorona
Старые стены

За неделю до Нового года нам с подругой крупно повезло — по крайней мере, тогда мы так думали. Нас внезапно попросили съехать со съёмной квартиры, но уже через пару дней подвернулся на редкость удачный и недорогой вариант.

Лишь спустя несколько недель, вглядываясь в глухую темноту чужого коридора, я поняла, почему прежние жильцы съехали оттуда в такой спешке — не дожидаясь праздников, бросив обжитое место и уехав в родной город с концами.

А начиналось всё до обидного просто.

Много лет подряд моим домом были Химки. Жильё мы снимали с подругой Анькой ещё со времён универа. Мы брали обычную однушку и по-братски делили единственную комнату пополам, отгораживая свои крошечные владения шкафами. Со временем, правда, постоянное соседство начало утомлять: иногда до скрежета зубов хотелось закрыться от всего мира, пусть даже за тонкой фанерной дверью. Тогда я скопила немного денег, купила надувной матрас и окончательно перебралась ночевать на кухню. Под мерное гудение старого холодильника и тусклый свет уличных фонарей за окном там всё-таки ощущался свой собственный, пусть и тесный, уголок.

Мы берегли буквально каждую копейку. Именно поэтому с владелицей нашей химкинской квартиры не заключали договор — так она не платила налоги, а нам доставалась скидка, за которую мы держались обеими руками. Как выяснилось, держались зря.

Звонок раздался ровно за семь дней до Нового года. Голос у хозяйки был взвинченный, торопливый, словно она уже стояла в прихожей с чемоданами. Объяснение прозвучало коротко и безжалостно: она срочно переезжает за границу, продаёт квартиру и просит нас освободить её как можно быстрее. Никаких «поживите до конца января» или хотя бы неделю. У нас было ровно двое суток. Без бумаг на руках спорить было бессмысленно — оставалось лишь сглотнуть ком в горле и собирать вещи.

Хуже момента нельзя было и придумать.

Вечер того дня превратился в кошмар. Я сидела на своём надувном матрасе, поджав ноги, и в сотый раз листала объявления на Авито в поисках варианта без посредников. Ситуацию добивало то, что солидную часть сбережений я уже успела отложить родственникам на подарки и купить билет к родителям на Новый год. Свободных средств почти не осталось, а рынок аренды перед праздниками словно сошёл с ума. Лезть в очередной кредит очень уж не хотелось, но морально я готовилась.

Аня нервно мерила шагами тесную кухню, не выпуская из рук телефон. Её пальцы подрагивали, пока она обновляла сайты объявлений.

— Одна дичь, — выдохнула она, опускаясь на табурет напротив. Под глазами у неё залегли синеватые тени. — Либо убитые клоповники за бешеные деньги, либо риелторы сразу требуют двойную предоплату и комиссию. У нас столько просто нет.

Мы обзванивали всех подряд — бывших одноклассников, дальних знакомых, коллег. Писали в рабочие чаты, просили поспрашивать у друзей, умоляли дать хоть какую-нибудь наводку. Часы на микроволновке неумолимо отсчитывали минуты за полночь, а в груди нарастало гадкое, холодное чувство, что придётся пожить на вокзале.

Спасение пришло на следующий вечер, откуда совсем не ждали. Анька позвонила мне и радостно завопила:

— Нашла! — выкрикнула она, переводя дыхание. — Девчонка с работы подсказала. У неё знакомая прямо сейчас съезжает из квартиры в Даниловском районе. Представляешь? Практически центр, до Павелецкой рукой подать!

Я недоверчиво прищурилась, отрываясь от экрана ноутбука:

— Ань, ну какой центр? Мы же вчера смотрели, там за однушку просят как за крыло самолёта.

— Так это двушка! — глаза подруги лихорадочно блестели. — Старый дом, его вроде как в программу реновации под снос поставили, поэтому и цену не ломят. Коллега сказала, там всё нормально, жить можно спокойно. А прежние жильцы просто решили вернуться домой, в свой город, вот и освобождают срочно. И самое главное — просят ровно столько же, сколько мы платили здесь, в Химках!

Если бы у нас было хоть немного времени и спокойствия, эта история наверняка показалась бы подозрительной. Двухкомнатная квартира почти в центре столицы по цене подмосковной однушки, из которой люди внезапно уезжают под самый Новый год… Но страх остаться на улице начисто отключил здравый смысл. И я успокоила себя мыслями, что они решили заняться обустройством в своём городе в новогодние каникулы. Мы не стали задавать лишних вопросов. Созвонились, договорились, и уже через день у нашего подъезда тарахтела потрёпанная грузовая «Газель».

Московская зима в тот год совсем не походила на открыточную сказку. На термометре упрямо держалось около плюс пяти, и вместо пушистого снега город утопал в промозглой, беспросветной сырости. Низкое небо цвета мокрого цемента давило на крыши, а под ногами хлюпала отвратительная серо-коричневая жижа — смесь растаявшего льда, грязи и реагентов. Она облепляла подошвы, брызгала из-под колёс проезжающих машин, а ближе к сумеркам, когда воздух чуть свежел, начинала предательски подмерзать, превращая тротуары в скользкий грязный каток.

Мы с Аней торопливо таскали к машине набитые спортивные сумки, коробки с посудой и мой свёрнутый надувной матрас. Джинсы по щиколотку намокли и потемнели от брызг, руки закоченели на ветру, но внутри теплилось облегчение: прорвались.

Через час с лишним, продравшись сквозь предпраздничные пробки, фургон свернул с шумного проспекта, идущего вдоль Москвы-реки, в тихие, почти безлюдные дворы Даниловского района. Здесь, в тени высоток, ещё прятались островки старой Москвы. Наша пятиэтажка стояла чуть в глубине — приземистая, потемневшая от времени и дождей, с облупившимися карнизами и редкими жёлтыми огоньками в окнах.

Машина затормозила у недавно обновлённого бордюра. Я спрыгнула с высокой подножки прямо в мутную лужу, поёжилась и подняла взгляд на тёмные, зашторенные окна первого этажа. Металлическая ограда палисадника была выкрашена в неприятный, болезненно-жёлтый оттенок. Снаружи дом выглядел совершенно обычным — таким же усталым и серым, как сотни других старых зданий, обречённых на снос. Только почему-то в ту секунду, пока водитель громыхал задними дверцами кузова, мне вдруг сделалось зябко — словно сырой декабрьский ветер пробрался под куртку и коснулся холодными пальцами лопаток.

Тяжёлая дверь подъезда со скрипом поддалась, впуская нас в полутёмный, пахнущий сырой штукатуркой коридор. Подниматься никуда не пришлось — нужная квартира находилась прямо на первом этаже.

На пороге нас уже ждала худощавая женщина средних лет в строгом тёмном пальто, с волосами неопределённого цвета, туго затянутыми в хвост. Она держала в руках связку потёртых ключей и смотрела на нас деловито — без особой теплоты, но и без враждебности. Как мы уже знали из телефонного разговора, сама она квартирой не владела, а была лишь опекуном настоящей хозяйки. Той старушке перевалило под девяносто, жить одной она больше не могла, и её определили в хороший платный пансионат. Деньги от аренды шли на оплату ухода, а опекунша следила за порядком, зная, что со временем эта двушка перейдёт к ней по наследству.

Едва мы переступили порог, в лицо ударила плотная волна душного, сухого жара. Несмотря на конец декабря и слякоть за окном, внутри топили так яростно, что воздух казался густым и неподвижным. А следом накатил запах — тяжёлый, въедливый дух старья, залежалой пыли, выветрившегося лака и чужой, бесконечно долгой жизни. Мне мгновенно захотелось распахнуть все форточки настежь, набрать ведро воды с хлоркой и отдраить здесь каждый сантиметр, вытрясти половики и выгнать эту застоявшуюся тишину.

Обстановка вокруг оказалась классической «бабкиной» квартирой, которую прежние жильцы, судя по всему, робко пытались осовременить, но быстро сдались. Вдоль стен жалась громоздкая мебель родом из семидесятых — потемневшие серванты, полированные тумбы, массивный шкаф. Выцветшие обои пестрели странной, несочетаемой коллекцией: рядом с дешёвыми картинками-шелкографией, какими украшали дома в начале двухтысячных, висели старые чёрно-белые фотографии. С пожелтевших снимков сороковых и пятидесятых годов на нас серьёзно, не мигая, смотрели люди в старомодной одежде. Их взгляды словно сходились в центре прихожей, провожая каждый наш шаг.

— Проходите, осматривайтесь, — негромко произнесла опекунша, пропуская нас вперёд. — Комнат две: одна побольше, другая совсем маленькая.

Я заглянула в меньшую комнату и невольно замерла. Почти всё пространство в ней занимала гигантская, непомерно широкая кровать, упиравшаяся спинкой в стену так плотно, что обойти её можно было лишь боком. В большой комнате места хватало с лихвой, а под окнами, покрытыми облупившейся белой краской, пылали жаром старые советские чугунные батареи. Оконные рамы были деревянными, древними — ни о каких пластиковых стеклопакетах тут и речи не шло, но тепло они держали на удивление крепко.

Кухня встретила нас таким же налётом времени. В углу исправно урчал старый холодильник «ЗИЛ-Москва», а вот стиральной машины не оказалось — к этому, впрочем, мы были

готовы. Больше всего удручали навесные шкафчики: засаленные, потемневшие от многолетнего кухонного нагара, они выглядели так, словно их не мыли лет пятьсот. Я прикинула в уме, что в первый же свободный день куплю моющие средства, отмою этот жир, а потом, если разрешат, покрашу дверцы или обклею их аккуратной декоративной плёнкой — вид сразу станет куда приличнее.

— Скажите, а нам можно будет тут немного порядок навести? — осторожно спросила я, возвращаясь в коридор. — Шкафчики на кухне отмыть, может, обновить как-то, плёнкой проклеить?

Женщина на секунду задумалась, окинув взглядом стены, и коротко кивнула:

— Отмывать и приводить в божеский вид — пожалуйста, сколько угодно. Но сразу предупреждаю, условие у меня жёсткое: мебель не выносить и не выбрасывать. Вот как стоит эта кровать, как стоят шкафы — так пусть всё и остаётся. Обои не переклеивать. И самое главное — фотографии и картинки со стен не снимать. Ни одной.

Аня удивлённо моргнула, покосившись на строгие чёрно-белые лица в рамках, но перечить не стала. Требование казалось чудаковатым, однако мы списали его на сентиментальность хозяйки или нежелание опекунши возиться с чужими переделками в доме под снос.

— Договорились, — быстро ответила я. — Ничего трогать не будем.

В конце концов, в тот вечер нас устраивало всё. Крыша над головой нашлась, цена не кусалась, батареи грели, холодильник работал — чего ещё желать за несколько дней до боя курантов?

***

Перетащив вещи и отдав почти все оставшиеся деньги в счёт оплаты, мы разъехались по родственникам встречать Новый год. Праздники пролетели быстро, шумно и беззаботно, а сразу после них закрутились привычные рабочие будни, и новая квартира неожиданно оказалась настоящим подарком.

Добираться до метро отсюда было одно удовольствие. Конечно, по соседним улицам ходили автобусы и маршрутки, но в часы пик они безнадёжно вязли в московских пробках. Гораздо проще и быстрее выходило ходить пешком — ровно двадцать пять минут бодрым шагом, и ты уже на Павелецкой. Можно было свернуть в другую сторону и за то же время дойти до Тульской, а при желании и до Автозаводской прогуляться.

Я трудилась по выматывающему графику: три дня через один, смены по двенадцать часов, да ещё по часу на дорогу в каждую сторону. Возвращаясь домой затемно, я буквально валилась с ног. В такие вечера на древние шторы, облезлый лак и засаленные шкафы было глубоко наплевать — хватало сил только на то, чтобы разогреть ужин, умыться и рухнуть в постель.

У Ани жизнь шла в похожем ритме. Она тоже работала в аптеке, и её график — сутки через сутки — оказался для нашего соседства просто идеальным. Очень часто её не было дома

по ночам, а иногда наши выходные и вовсе не совпадали. За смешные по столичным меркам деньги я то и дело оставалась в просторной двухкомнатной квартире совершенно одна. Можно было не ходить на цыпочках, спокойно заниматься своими делами, громко включать любимую музыку и впервые за долгие годы чувствовать, что вокруг — настоящее личное пространство, а не крошечный матрас возле холодильника.

Всё складывалось настолько удачно, что тревожный холодок, пробежавший по спине в день переезда, быстро забылся. Пока не наступил один из моих редких свободных дней.

В то утро я проснулась непривычно рано и в удивительно лёгком настроении. Анька ушла на смену ещё накануне, в квартире стояла блаженная тишина, и впереди расстилался целый день, который можно было целиком посвятить себе — и давно задуманной войне с пылью.

Сбегав в ближайший хозяйственный, я вернулась с тяжёлым пакетом бытовой химии: флакон густой белизны, пачка соды, крем «Сиф», пара жёстких губок и салфетки из микрофибры. Включила на телефоне бодрую подборку клубного дип-хауса — чтобы ритмичный бас заполнил притихшие комнаты и заглушил скрипучее молчание старых стен, — натянула резиновые перчатки и принялась за дело.

Уборка затянула меня с головой. Под ровный, гипнотический бит тереть засаленные поверхности оказалось даже весело — получился отличный домашний фитнес. Я ползала по кухне, отскребая въевшийся рыжий налёт с плиты и кафеля, вымывала углы, до которых, кажется, десятилетиями не дотрагивалась тряпка, а резкий, чистый запах хлорки и лимонного крема постепенно вытеснял приторный дух старья.

К полудню я добралась до своей комнаты. До скрипа отмыла деревянные рамы, стёкла и широкие подоконники — они наконец заблестели свежестью. Сделав короткий перерыв на обед и кофеёк, я вернулась в комнату и огляделась. Оставалось последнее — разобрать собственные вещи. С самого переезда мой нехитрый гардероб кочевал из двух набитых спортивных сумок на прикроватную тумбу.

Я повернулась к платяному шкафу, громоздившемуся в углу. Вблизи он выглядел ещё мрачнее, чем в первый день. От постоянного жара чугунных батарей древесина буквально иссохла: вдоль боковин тянулись тонкие трещины, а тёмный советский лак местами помутнел и облез неровными хлопьями. С тихим жалобным скрипом распахнув створки, я выгребла изнутри пустые пластиковые вешалки, тщательно протёрла полки и перекладину влажной тряпкой и принялась аккуратно развешивать свитера, джинсы и рубашки.

Когда сумки почти опустели, я выпрямилась, чтобы передохнуть, и увидела наверху, прижатый почти к самому потолку, чемодан.

Раньше я просто не обращала на него внимания — в полумраке угла он сливался с тёмным деревом. Но сейчас, при ярком дневном свете из свежевымытого окна, его очертания проступали отчётливо. Старинный, с потёртыми углами, грубой ручкой и потускневшими металлическими застёжками — такие наверняка выпускали ещё в шестидесятых или семидесятых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.